33, от Воскресениа до перваго лета царя Констянтина лет 279, а от Адама 5812, от перваго лета царя Констянтина *до перваго собора* лет 12, от перваго до втораго лет 60, от втораго до третьяго лет 50, а от третьяго до четвертаго лет 30, а от четвертаго до пятаго лет 100, от пятого до шестаго лет 130, от шестаго *до седмаго* лета 122, а от Адама 6296 до седмаго собора, а от Рождества Христова лет 805, а до крещениа Болгарьского от Адама лет 6377, от крещениа до преложениа книг лет 30 на Словенский язык святым Кирилом, а от Адама 6407...

Из приведенного сопоставления явствует, что ответ Александра представляет собою систематическую и вполне логическую выборку из хронографического (а не летописного) отрывка Никифорова летописца. Недоумение вызывает лишь пропуск в ответе Александра двух этапов мировой истории: царствования Александра Македонского и взятия Иерусалима, обычно соответствующих в самом хронографе Александрии и Повести Иосифа Флавия о взятии Иерусалима. В качестве догадки предполагаем, что эти два этапа мировой истории имелись в первоначальной редакции жития Александра Невского, в которой были сравнения Александра с образами Александрии и повести Иосифа Флавия, но исчезли при ее оцерковлении,[1] при удалении из нее образов Александрии и повести Флавия.

Нас не должно удивлять то, что Александр Невский избрал для своего ответа послам папы столь странную и не идущую к делу на первый взгляд форму: хронографы в древней Руси постоянно рассматривались как история вероисповедания по преимуществу. Хронографы обычно открывались статьями „Изложение о вере", „Святого Феодорита, как подобает креститися", „Указ, чесо ради поклоняемся на въсток".[2] В состав древних компилятивных хронографов (Еллинского летописца второй редакции) входила, например, „Повесть въкратце полезна о Латынех, когда отлучишася от Грек и святыа Божиа церкви". В ней рассказывалось о Коруловых еретиках, развративших своим учением Рим, о судьбе Михаила Сингела и учеников его Феофана и Феодора, о папе Формосе; излагались основные заблуждения Латинской церкви (некоторые — фантастические), а затем рассказывалось о крещении Болгар, Руси (якобы во время похода Владимира на Царьград) и Угров с последующим их отпадением в латинство. Успехи латинства объяснялись, между прочим, военной слабостью Византии, вызванной нападением магометан. Здесь же упоминалось и о покорении Руси агарянами.

Как идейный оплот православия, хронографы рассматривались и в византийской литературе. В предисловии к хронике Георгия Амартола говорилось о том, что цель книги — рассказать о „елиньских философ еретичьстве и складание баснь̂ных вер" и дать историю пра-

[1] См. гипотезу Н. Серебрянского (стр. 191 и сл.), объясняющую особенности так наз. „особой" редакции (в списках Уваровском № 514 (369), XVI в. и БАН 13.4.8. второй полов. XVI в.).

[2] См. ПСРЛ, т. 22, ч. 1, СПб., 1911, стр. 14—19.